

Некоторые методологические аспекты метатеоретического подхода к анализу сознания.

Игнатова А. А.

Южный Федеральный Университет

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Б. И. Буйло, к.ф.н., доц. Т. Б. Фатхи.

Статья актуализирует потенциал метатеории сознания, предложенной М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорским, для современной научно-теоретической деятельности, что показано на примере двух категорий метатеории – «сферы сознания» и «структуры сознания». В качестве оригинального метатеоретического метода рассматривается инверсионный антиобраз, что позволяет оценить методологическую значимость идей метатеории сознания.

Онтологический статус сознания, наиболее наглядно проявляющийся в том, что бытие мира не возможно выразить помимо определенной сознательной формы, не позволяет категории «сознание» уйти в тень научно-исследовательского внимания. Стоит чуть более глубоко погрузиться в ту или иную область науки, как вдумчивый исследователь неизбежно натолкнется на проблему сознательного опыта, на укоренённость в нём своего познавательного инструментария, на проблему наблюдателя, на трудности коммуникации и интересубъективности полученного знания и иные аналогичные моменты познавательной деятельности. Грамотного специалиста указанные факторы побуждают обратиться к собственно теории сознания. Но здесь у ученого возникают определенные трудности. Они вызваны наличием огромного количества разнообразных теорий, стремящихся построить более или менее логически непротиворечивую, а иногда и экспериментально обоснованную, систему взглядов на сознание.

В XX веке, и тем более в веке XXI, никто не хочет оставаться в рамках сухого противостояния материализма и идеализма, а потому активно

развиваются концепции, стремящиеся его преодолеть. Укажем на достаточно влиятельные в современности теории дуализма, больше известные как двухаспектные теории. Стоит отметить, что в рамках данного направления разрабатывается огромное множество построений, таких как интеракционизм, теории супервентности, эмерджентские концепции и др. в различных вариантах, отчасти совпадающих друг с другом, а в чём-то друг друга исключают. Проблема в том, что это ведет к отсутствию стабильности в области представлений о сознании.

Возможно, в эпоху нарастающего господства релятивистского мировоззрения, подобное многообразие становится эпистемологической нормой. Но тот исследователь, о котором мы писали выше, вынужден устанавливать собственные сознательные корреляты научной деятельности. Что интересно, процесс этот играет двоякую роль. Здесь и устанавливаются *итоговые положения* относительно сознательной деятельности, и огромное значение приобретает сам *процесс осознания*. Во втором случае возникает особая интеллектуальная ситуация – процесс осмысления собственно сознательной деятельности человека средствами самой сознательной деятельности, которая, таким образом, выступает одновременно и субъектом, и объектом.

Следует особо подчеркнуть, что анализ сознания выступает предметом исследования не только исследователей, специализирующихся на изучении собственно сознания, но имеет практически абсолютное значение для любой интеллектуальной активности, поскольку именно сознание выступает её главным генерирующим агентом. Но, на сегодняшний день, в науке мало внимания уделяется данной проблематике. Она пока не занимает должного места в современном как философском, так и научном дискурсе, хотя и привлекает к себе всё большее внимание в среде отечественных и зарубежных авторов.

Оригинальной попыткой преодолеть указанные трудности выступила уже не теория, но мета-теория сознания, предложенная одними из первых М.К.

Мамардашвили и А.М. Пятигорским [2]. Они предлагают использовать метатеорию сознания в том случае, где объектом познания выступает уже не собственно сознание, но те условия и способы, в которых оно существует и посредством которых оно реализуется. Вся трудность заключается в том, что условия эти включены в сферу сознания и являются сознательными процессами. Именно в подобных ситуациях совпадения объекта и способа исследования и прибегают к построению метатеории (как, например, это делают в математике и лингвистике). Следует отметить, что построение метатеории сознания – процесс сугубо индивидуального интеллектуального усилия, поскольку он может происходить только в сфере сознания.

Как видно из сказанного выше, сознание, как предмет научного исследования, обладает определенными особенностями, которые иногда называют "теоретическими аномалиями" [1; 44]. Если в обыденной жизни сознание представлено в виде потока сознаваемой информации, определенных функциональных состояний, интенциональной способности воспринимать окружающий и внутренний мир, то при научном анализе сознание представлено иначе. Известно, что процесс осознания хотя и протяжен во времени, но не последователен; хотя многосложен, но не системен изначально. Любое научно-теоретическое структурирование сознания – процесс внешний, несмотря на то, что также является сознательным процессом. Осуществляя процедуру упорядочивания, мы выходим из естественного состояния потока и переходим в область "работы с сознанием", "борьбы с сознанием" [2; 28]. Таким образом возникает ситуация удвоения реальности: мира обыденного опыта и мира опыта научного. В первую очередь удвоение происходит при построении специальных теорий сознания таких как, например, феноменологическая теория. В данных условиях начинает формироваться особый метаязык, вторичная знаковая система, способная анализировать теоретическое содержание изначально объекта - сознания.

Для того чтобы понять отличие языка от метаязыка представим две базовых категории теории сознания и сравним их с категориями метатеории

сознания. Стоит отметить, что метаязык в научном описании это не строгий формальный язык, стремящийся к предельному абстрагированию, но, наоборот, язык, стремящийся приблизиться к обыденной речи, богатой красками и смыслами, и, в тоже время, способный именно таким полнокровным языком дать аналитическое описание сознательной деятельности, выступающей, как уже говорилось выше, как деятельность принципиально личностная, но вне привязки к какому бы то ни было субъективному контексту.

Для характеристики феномена осознания в целом, сознания как потока, в теоретических построениях применяется термин "поле сознания", обладающее центром и периферией. Его содержание составляет объем информации, получаемый из внешнего мира и перерабатываемый центральной нервной системой посредством отражения, внимания и памяти. Аналогичным понятием метатеории выступает термин "сфера сознания", но его содержание принципиально отличается. Он искусственно вводится в процессе метатеоретизирования для обозначения некоторой бессубъектной и безобъектной области сознаваемого, т. е. говорит о принципиальном наличии умозрительного полагания сознательного вне его привязанности к объектам внешнего или внутреннего мира.

- Соприкосновение со сферой сознания есть акт, совершаемый, может быть, ежедневно и ежечасно человеком. Вместе с тем это есть аксиоматизируемая нами ситуация, в которой в принципе люди могут и не участвовать, - объясняют философы подобное, не просто постигаемое, понятие [2; 53].

Вторая категория теоретического анализа сознания, рассматриваемая нами, это категория "структуры". Она употребляется для того, чтобы выявить устойчивые связи поля сознания и упорядочить многообразие данных о сознательной деятельности, содержание которой настолько неоднородно, что в литературе встречается бесчисленное множество вариантов описания структуры сознания. Почти все они носят уровневый характер. Наиболее известными из них являются следующие способы структурирования сознания,

представленные здесь схематично: 1) подсознательное, сознательное, сверхсознательное; 2) чувства, разум, воля, ценности; 3) отражение, восприятие, представление; 4) чувства, значения, смысл; и т.д.

"Структура сознания" в метатеоретическом построении означает принципиальную содержательность сознания, а не способ его упорядочивания, как в теоретических разработках. Структура сознания – это некоторое конкретное содержание сознания, но не как простое явление объекта мира в сфере сознания, но как определенный набор условий и признаков, тождественный сам себе в любом времени и пространстве для любого человека, например, сознание смертности. Несмотря на конкретность содержания, структура выступает как "внеличностное, квазипредметное состояние бытия" [2; 77], хотя и реализуется через индивидуальное сознание в конкретной языковой форме.

На примере рассмотренных двух категорий мы видим два методологических способа анализа. Первый – теоретический – происходит в рамках привычной нам субъект-объектной установки, где сознание, несмотря на все свое своеобразие, выступает внешним исследователю-субъекту предметом, на который распространяются причинно-следственные выводы, такие как вход-выход информации, иерархия уровней и пр. Второй – метатеоретический – вводит положение о внутренней независимости сознания ни от каких детерминистских условий. Факт сознания настолько уникален по своей природе, что если принять его как данность, не зависящую от внешнего мира, и провести анализ сознания, пользуясь лишь одними его средствами, то мы получим интересный результат.

М. К. Мамардашвили предлагает отказаться от привычной идеи порождения утверждений о событиях сознания из физического мира. Вместо этого он вводит оригинальный метод, т. н. "инверсионный антиобраз", в котором происходит смещение источника активности сознательной деятельности – теперь именно сознание выступает в качестве порождающей содержания структуры.

- Если мы будем говорить не "у меня возникла идея", а "я возник в идее", не "я придумал нечто", а "я оказался в нечто", "я оказался в мысли о чем-то", "я оказался внутри какого-то факта сознания", то это может "эстетически" помочь привычке к другому подходу, помочь чувственно воспринять мыслительные конструкции, к которым мы хотим приучить себя интеллектуально, помочь развитию новых рефлексивных навыков, – так описывается данный метод [2; 76]. Следует отметить, что данные положения имеют своим источником феноменологическую идею интенциональности сознания, но в таком русле они отходят от описания интенциональной предметности, сосредотачиваясь на самом процессе сознания и разрабатывают соответствующий методологический инструментарий, который оказывается возможным в рамках метатеории. Таким образом, предлагается не упрощенная теория входа-выхода информации (input-output theory, одна из теорий крайнего функционализма) в сознание из внешнего мира, но вхождение в сферу сознания и покидание её путем совершения осознанного интеллектуального усилия, которое предоставляет большие перспективы для развития творческих навыков мышления, которые необходимы в различных областях человеческой жизнедеятельности.

Чтобы сделать наглядным этот уникальный методологический прием преодоления наличной ситуации, которую, казалось бы, преодолеть в реальности невозможно, представим, что всё-таки данная логическая операция производится – и де-факто человек остается в ней, но мыслит таким образом, как будто уже вышел из наличной ситуации и не привязан к её условиям. Невозможно мыслить о сознании вне сознания, но для чистоты эксперимента надо сделать именно это. В "Трех беседах о метатеории сознания" М. К. Мамардашивли и А. М. Пятигорский договариваются – вот, сейчас мы начинаем говорить о сознании и на нас как бы перестают распространяться законы сознания. Мыслить без сознания невозможно, также как и говорить без языка - но они предлагают реализовать такую ситуацию в философском дискурсе. Точно также предлагают в кинофильмах разговор двух молчащих людей – зритель понимает, что в реальности это невозможно, но актеры

играют, происходит процесс диалога хотя и без речи, но совершается акт понимания. И зритель верит в безграничную искренность таких диалогов, хотя в реальной жизни подобное происходит крайне редко. То, что может совершиться в умозрительном акте философского размышления, в повседневной жизни происходить не будет, но аналогичные акты необходимы для полноценной интеллектуальной творческой жизни.

В заключение можно отметить следующие моменты методологической значимости идей метатеории сознания – один касается научного исследования собственно сознательной деятельности, феномена сознания, другой – принципов научного исследования вообще, которое в любом случае происходит в рамках сознательной деятельности. А потому нужны верные представления о функционировании сознания, и, следовательно, о процессах, которые происходят с научными идеями как в индивидуальном сознании ученого, так и в межсубъектном процессе коллективного научного творчества, становятся ли они структурами сознания или генерируют псевдоструктуры. Обширные и грамотные представления о сознании формируют наличие верного языка описания собственных интеллектуальных процессов и повышают уровень качества продуктов интеллектуальной деятельности, а также обогащают процесс научного творчества.

Список использованной литературы.

1. Агафонов А. Ю. Основы смысловой теории сознания. - СПб.: Издательство "Речь", 2003. - 296 с.
2. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание: Метафиз. рассуждения о сознании, символикe и языке . - М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1999. - 216 с. (Первое издание: Иерусалим: Малер, 1982).